

HAL
open science

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК ГОРЗУВИТЫ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА: ИССЛЕДОВАНИЯ 69 ЛЕТ СПУСТЯ

Anna Mastykova

► **To cite this version:**

Anna Mastykova. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК ГОРЗУВИТЫ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА: ИССЛЕДОВАНИЯ 69 ЛЕТ СПУСТЯ. Brief Communications of the Institute of Archaeology, 2020, 260, pp.407-427. <10.25681/IARAS.0130-2620.260>. <hal-04102003>

HAL Id: hal-04102003

<https://hal.science/hal-04102003v1>

Submitted on 22 May 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Public Domain

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
260

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2020

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 260. 2020

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.260

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Авторы статей, 2020

А. В. Мастыкова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК ГОРЗУВИТЫ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА: ИССЛЕДОВАНИЯ 69 ЛЕТ СПУСТЯ¹

Резюме. Первым исследователем средневекового памятника Горзувиты был А. Л. Якобсон, который выявил руины однефного одноабсидного храма, перекрытого более поздней церковью. Нижний храм А. Л. Якобсон датировал VI–VII вв., верхний – IX–X вв. На других раскопанных участках были обнаружены остатки архитектурных сооружений неясного назначения и к западу от храма – могильник, где было открыто десять безынвентарных погребений. В 2017–2018 гг. в связи со строительными работами на территории Международного детского центра «Артек», куда входил и участок, исследованный в 1951 г. А. Л. Якобсоном, ИА РАН приступил к археологическим исследованиям. Вновь были открыты храмовые постройки, проведены работы на поселении, на могильнике открыто 24 погребения, в основном плитовые. Судя по погребальному инвентарю, могильник появился не позднее второй половины VII – начала VIII в. и функционировал, вероятно, долгое время. При исследовании в западной половине наоса нижнего храма была открыта гробница, в которой было похоронено около 20 человек. У верхнего погребенного лежала поливная чаша середины – третьей четверти XIII в., хронология которой дает верхнюю дату использования гробницы. Для установления времени самого раннего захоронения были проведены радиоуглеродный анализ и изотопное исследование, данные которых позволяют предполагать, что гробница стала использоваться, вероятно, не раньше XI в. Верхний храм был построен не ранее второй половины XIII в. и просуществовал, возможно, до середины XIV в., учитывая найденную в 1951 г. при расчистке западной стены верхнего храма монету хана Узбека.

¹ Представленное исследование состоит из 2 частей. Его первая часть – данная статья – посвящена результатам археологического изучения памятника, вторая часть – статья М. В. Добровольской, А. В. Мастыковой в этом выпуске – результатам исследования палеоантропологических материалов: радиоуглеродного и изотопного анализов.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, Византия, одностолпные храмовые постройки, могильник, поселение, погребальный обряд, радиоуглеродный анализ, изотопные исследования.

В 1954 г. в журнале «Краткие сообщения института истории материальной культуры» выходит статья А. Л. Якобсона «Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа)» (1954. С. 109–120). В этой работе Анатолий Леопольдович публикует результаты своих раскопочных изысканий, проведенных в 1951 г. на Южном берегу Крыма, на территории пионерского лагеря «Артек» (Якобсон, 1951а). По его мнению, здесь располагалось одно из наиболее крупных средневековых поселений. Об этом свидетельствует, во-первых, раскопанный в 1903–1906 гг. Н. И. Репниковым могильник Суук-Су (Репников, 1906а; 1907; 1909), а во-вторых, построенная по указанию императора Юстиниана крепость Горзувиты, о которой упоминается в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» (550-е, вероятно, около 553–555 гг.) (*Procopius Caesariensis*, 1964. III.VII.11). Такие крепости строились византийскими правителями в наиболее крупных и стратегически важных поселениях (Якобсон, 1954. С. 110). Действительно, в юго-восточной приморской части Гурзуфа, на склонах скалы Дженебез-Кая все исследователи локализовывали крепость Юстиниана (Кенпен, 1837. С. 53–61, 175–177; Бобринский, 1894. С. 56–58; Тунманн, 1936. С. 40)² (рис. 1: 1, 2). По названию византийской крепости «Горзувиты» А. Л. Якобсон назвал и поселение, которое до него никогда еще не изучалось. По мнению исследователя, поселение Горзувиты занимало территорию около 100 000 кв. м от подножия скалы, на которой была построена крепость, к северо-востоку – в сторону современного лагеря «Лазурный» МДЦ «Артек». Здесь в 1951 г. еще прослеживались «остатки древних построек в виде многочисленных скоплений бутового камня», сопровождавшиеся большим количеством фрагментов кровельных черепиц IX–X вв. (Якобсон, 1954. С. 110). По всей видимости, Анатолий Леопольдович был прав, считая, что поселение было достаточно большим и плотно заселенным, и не исключено, что благодаря строительству крепости «Горзувиты могли стать одним из опорных пунктов византийского господства на полуострове» (Якобсон, 1970. С. 23).

Читая работы исследователей конца XIX – начала XX в., убеждаешься, что на территории, где сейчас расположен МДЦ «Артек», находилось много разнообразных археологических памятников (Харузин, 1890; Репников, 1904. С. 37–40; 1906а. С. 36–43). Еще в 1906 г. Николай Иванович Репников высказывался о необходимости скорейшего изучения Южного берега ввиду того, что

² В 1963 г. О. И. Домбровским проведены первые разведочные исследования крепости, а в 1965–1967 гг. он приступил к планомерным раскопкам в связи со строительством здесь новых корпусов лагеря «Артек» и гостиницы «Скальная» (Домбровский, 1968; 1974). Им были выделены три основных периода существования крепости: первый – VI–VIII вв. – от юстиниановского времени до хазарского; второй – X–XIV вв. – от хазарского времени до постройки генуэзской крепости; третий – XIV–XV вв. – от генуэзского периода до турецкого нашествия (Домбровский, 1974. С. 11–13).

«экономические условия и хищнические инстинкты местного населения могут привести разнообразнейшие и разнокультурные его памятники через какие-нибудь пять – десять лет в такое состояние, что археологические изыскания станут здесь совершенно немислимыми» (Репников, 1906б. С. 110). Опасения были не напрасными, территория в самом деле интенсивно подвергалась разграблению, лишь с момента создания в 1925 г. пионерского лагеря «Артек» эта территория стала закрытой и «хищнические инстинкты местного населения» в какой-то мере были пресечены. Но вот «экономические условия» уже в советские годы нанесли не меньший урон многим археологическим объектам, а именно постоянное расширение лагерных площадок, строительство корпусов и различных других зданий для нужд Артека привели к тому, что большинство археологических памятников не сохранились или были в значительной степени разрушены. Такая ситуация коснулась, к сожалению, и памятника Горзувиты, о котором далее пойдет речь.

Раскопки 1951 года

Изучение памятника в 1951 г. носило ограниченный и преимущественно разведочный характер. Участок, выбранный для полевых изысканий, был расположен «в 30 и 50 м к северу от усадьбы бывшей дачи Гурова, ниже шоссе от Гурзуфа к Медведь-горе», т. е. между пос. Гурзуф и пионерским лагерем «Артек» № 2³ (Якобсон, 1951а. С. 3). Работы продолжались 25 дней, и за это время участниками экспедиции А. Л. Якобсоном, М. А. Тихановой (сотрудники ИИМК), Я. Л. Дубинским (сотрудник Музея пещерных городов в Бахчисарае) были заложены два раскопа общей площадью в 250 кв. м. На месте наибольшего всхолмления, образованного из слежавшегося древнего завала камней, был заложен раскоп I, культурные напластования которого были датированы А. Л. Якобсоном следующим образом: верхний слой по большому количеству черепицы и керамическому материалу – IX–X вв., нижний слой, менее насыщенный, – VI–VII вв., возможно отчасти VIII в. Здесь, на площади раскопа I, были открыты нижние части стен двух небольших храмов, из которых верхний, более поздний, был построен на развалинах нижнего, более раннего. С северной и южной сторон храма были открыты гробницы, «обложенные хорошо тесаными толстыми плитами правильной формы», с западной стороны, перед входом в храм, вероятно, находилась еще одна гробница, частично разрушившая фундамент нижнего храма (Якобсон, 1954. С. 112) (рис. 2). Обе храмовые постройки стратиграфически связаны с выявленными культурными напластованиями раскопа I, что дало возможность А. Л. Якобсону датировать их в соответствии с хронологией культурных слоев, т. е. нижний храм отнесен к VI–VII вв., возможно частично VIII в.; верхний – к IX–X вв. (Там же. С. 110–112. Рис. 49: 1; 50).

На раскопе II, заложенном в 20 м к западу от первого раскопа, было открыто десять погребений, которые по устройству могильных сооружений А. Л. Якобсон разделяет на две группы. Первую группу составили четыре погребения,

³ Ныне лагерь «Лазурный» МДЦ «Артек».

1

2

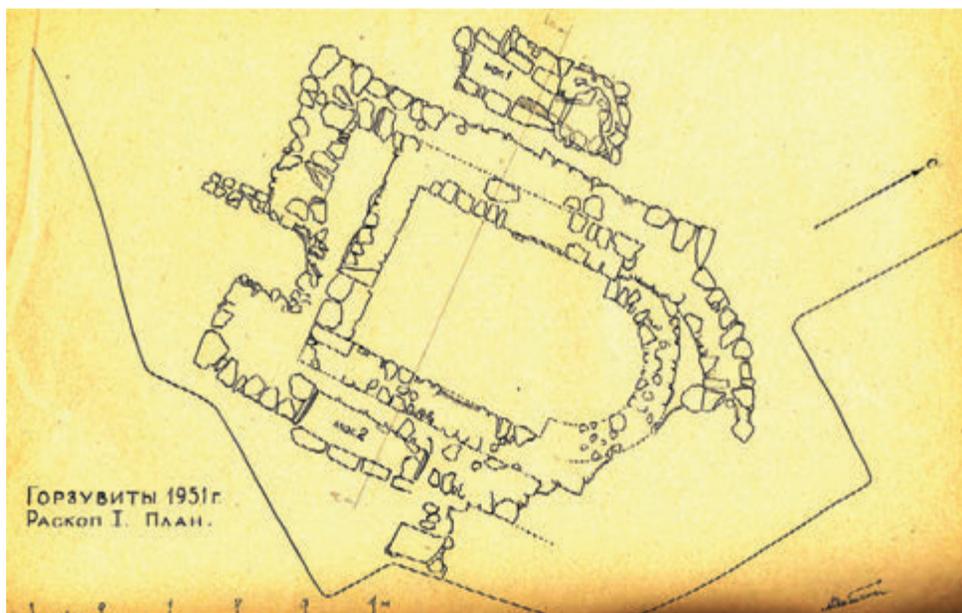

Рис. 2. Горзувиты – 1951 г. Раскоп I. План храма (по: *Якобсон, 1951а. Рис. 6*)

обложенные рваным камнем, вторую – три захоронения, совершенные «в гробницах из штучных плит», и две детские могилы, обложенные черепицей (*Якобсон, 1954. С. 114*). Сильная разрушенность и отсутствие погребального инвентаря затрудняли датировку этих погребений, но поскольку они имели примерно одинаковую глубину залегания, одинаковую ориентацию и обряд погребения, то А. Л. Якобсон делает вывод, что все они приблизительно одновременны и хронологически соответствуют каменным гробницам верхнего слоя могильника Суук-Су, т. е. относятся к VIII–IX вв. И только одно захоронение, совершенное в деревянном гробу в могиле без каменной конструкции, по мнению исследователя, синхронно погребениям нижнего слоя могильника Суук-Су, т. е. VI–VII вв. (*Якобсон, 1954. С. 114, 116; Репников, 1906а. С. 30–33*).

Могильник, как считал А. Л. Якобсон, существовал, по-видимому, до IX в., но не позднее X в., впоследствии был разрушен, на рубеже IX–X вв. на его месте стали возникать постройки. В 1951 г. было открыто несколько стен, представляющих фундамент построек, с большим количеством битой черепицы и керамики IX–X вв. В связи с отсутствием керамического материала, типичного

Рис. 1 (с. 410). Вид Гурзуфа

1 – Гурзуф на изображении 1868 г. На переднем плане – скала Джаневез-Кая, на заднем – гора Аю-Даг; 2 – современный вид Гурзуфа, 2018 г. На переднем плане – скала Джаневез-Кая с построенной на ней в 1975 г. гостиницей «Скальная», на заднем – гора Аю-Даг. Между скалой Джаневез-Кая и г. Аю-Даг – территория МДЦ «Артек». Аэрофотосъемка К. А. Ганичева

именно для X в., исследователь предположил, что жизнь в это время на поселении, вероятно, прекращается и лишь в XIV в. частично возрождается. Основное же поселение, по мнению А. Л. Якобсона, располагалось не здесь, а ниже, в прибрежной части (Якобсон, 1954. С. 116, 118, 120).

Раскопки 2017–2018 годов

В 2017 г. в связи со строительством лагеря «Солнечный» (МДЦ «Артек») на территории, куда входил и участок, исследованный в 1951 г. А. Л. Якобсоном, Институт археологии РАН приступил к археологическим изысканиям (Мастыкова, 2018а; 2018б; 2019а). Эта территория расположена на расстоянии приблизительно 200–250 м от берега моря между лагерями Артека – «Кипарисный»⁴ (с юга-запада) и «Лазурный»⁵ (с северо-востока), сверху (с севера-запада) она ограничена ул. Ленинградской. Поскольку в отчете и публикации А. Л. Якобсона отсутствуют топографический план, а также и план взаиморасположения раскопов, то локализация раскопов 1951 г. (раскоп I и раскоп II) проводилась с помощью архивных видовых фотографий и словесных описаний раскопочных мест (Якобсон, 1951а. С. 3; 1951б. Рис. 1; 6; 10). В результате на краю террасы с крутым склоном, обращенным на юг, было установлено месторасположение храмовой постройки, исследованной А. Л. Якобсоном. На небольшой площадке (раскоп 1, 2017 г., площадь 125 кв. м) были вновь открыты остатки стен двух церквей, из которых верхняя, более поздняя, как уже говорилось выше, возведена на развалинах нижней, более ранней. Нижний однефный храм представляет собой прямоугольное в плане помещение, вытянутое с запада на восток. Полукруглая апсида на восточной стороне выступает за основной объем здания. Верхний храм повторяет форму нижнего (рис. 3: 1, 2). Вход у построек находится в западной стене. Обе церкви небольшие, размеры нижнего храма по наружному контуру составляют 8,0 × 4,72 м, размеры верхнего – 5,17 × 3,53 м. Толщина стен нижнего храма – 78 см, верхнего – 65 см. В 2017 г. стало ясно, что хорошо сохранились лишь основания западной стены обоих сооружений и южная стена нижнего храма, у верхнего храма южная стена сохранилась лишь частично. Северная стена как верхнего, так и нижнего храма, а также абсидная часть обеих построек сильно повреждены проложенной уже после 1951 г. траншеей подземных коммуникаций (рис. 3: 1, 2). Впрочем, на плане храмовых построек, составленном А. Л. Якобсоном, видно, что южное плечо апсиды нижнего храма не сохранилось (рис. 2). Тем не менее можно примерно определить, что расстояние между плечами апсиды составляло около 5 метров. Стены нижнего храма сложены из крупного неотесанного камня, вероятно, на глинистом растворе. Стены же верхнего храма представляют собой кладку, сложенную на известковом растворе из двух рядов не очень крупного камня с подтеской лицевой поверхности. Местами для выравнивания кладки использованы фрагменты черепицы. Вокруг и внутри храма было найдено значительное количество

⁴ Ранее лагерь назывался «Артек» № 3.

⁵ Ранее – «Артек» № 2.

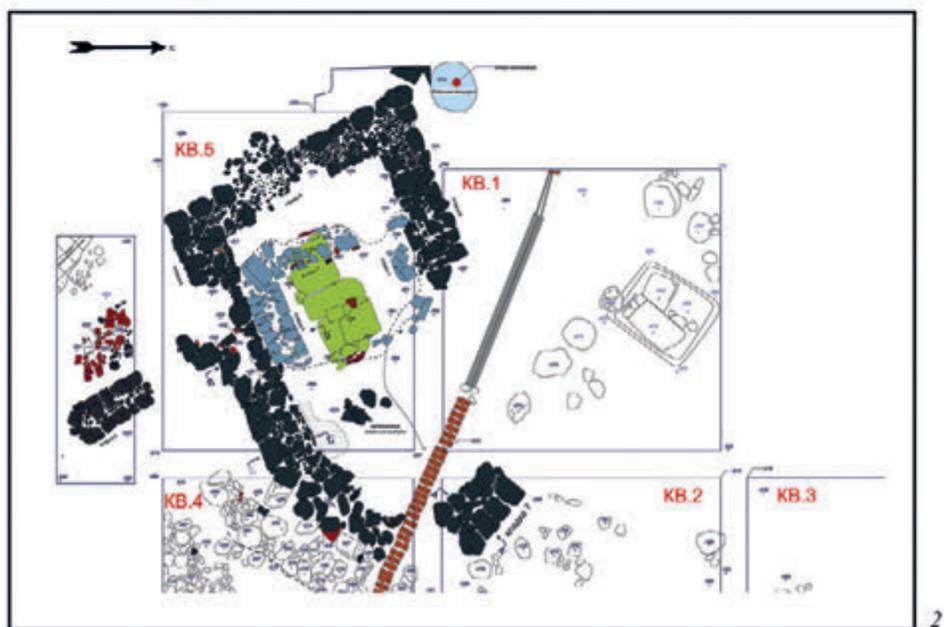

Рис. 3. Горзувиты – 2017 г. Фото С. В. Колосова. Чертеж С. А. Мульда
1 – раскоп 1. Общий вид храма с восточной стороны; 2 – раскоп 1. План храма

фрагментов оконного стекла, что дает нам основание предполагать наличие окна/окон в помещении. Конечно, о количестве окон и их расположении судить невозможно, т. к. храмовые постройки сохранились на высоту в среднем от 40 до 65 см, т. е. практически на уровне фундамента. В западной половине наоса нижнего храма при дослідовании земляного пола была открыта гробница, перекрытая четырьмя массивными плитами (рис. 3: 1, 2) (Мастыкова, 2018а; 2018б; Голофаст, Мастыкова, 2018).

К северо-западу от раскопа 1 для исследования поселения был прирезан раскоп 2 площадью 1890 кв. м. На наличие на этом участке построек указывали выявленные мощные завалы камней от разрушенных стен, сопровождавшиеся фрагментами строительной керамики (керамиды, калиптеры, плинфы), характерной для раннего Средневековья, оконных стекол, тарной керамики – немногочисленные обломки ранневизантийских амфор типов *Late Roman 1* и 2, относящихся к V–VII вв., фрагменты поздневизантийских амфор херсонесского производства. В слое количественно преобладает керамика IX–XI вв.: желобчатые и с зональным рифлением амфоры «причерноморского типа» VIII – начала XI в. и высокогорлые кувшины с плоскими ручками конца IX – XI в. К этому же периоду относятся единичные находки белоглиняных глазурованных сосудов группы *Glazed White Ware II* IX–XI вв.⁶ В целом для этого участка характерно наличие целых массивов известняков, т. н. массандровских отложений, образовавшихся в результате обвалных, оползневых и сейсмических процессов. Между ними фиксируются остатки фундаментов стен, среди которых найдено несколько развалов пифосов. Характер выявленных строений неясен, не исключено, что они предназначались для хозяйственных нужд (Мастыкова, 2018б).

В 2017 г. был локализован могильник, открытый А. Л. Якобсоном, а в 2018 г. были проведены планомерные раскопки. Поскольку, как уже было сказано выше, в документации 1951 г. не был представлен план расположения двух раскопов, то локализация раскопа II (могильника) проводилась также с помощью отчетных описаний места проведения работ (Якобсон, 1951а. С. 14, 15; 1951б. Рис. 23). На расстоянии 20 м к западу от первого раскопа 1951 г. нам удалось приблизительно локализовать участок могильника, раскопанного А. Л. Якобсоном. Раскоп 3 2018 г., площадью 2200 кв. м, был заложен также западнее храма, и в эту территорию попал и участок, раскопанный в 1951 г. Могильник располагался на отвесном склоне, местами его крутизна достигала 45°. В ходе исследования было открыто 24 погребения. По погребальным конструкциям могилы относятся в основном к плитовым – перекрыты массивными каменными обработанными плитами; две могилы были перекрыты фрагментами черепицы и пифоса; одна – простая грунтовая могила без каменной конструкции. Стены же могильных ям оформлялись по-разному: выложены обработанными плитами и/или необработанными камнями, обработанным ракушечником; в одном случае – в торцевой стене были вертикально поставлены две целые керамиды; иногда стены обкладывали фрагментами черепицы и необработанным

⁶ Изучение керамического материала проведено Анной Викторовной Смокотиной (НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского).

камнем. Погребений с деревянными гробами, характерными для нижнего слоя могильника Суук-Су (VI–VII вв.), в отличие от 1951 г., зафиксировано не было. В целом погребения имеют подпрямоугольную в плане форму. У большинства могил погребальные конструкции нарушены, зачастую перекрывающие плиты треснуты, провалены внутрь могильного пространства. По всей видимости, это результат различных процессов: эрозионных, гравитационных (оползни, обвалы), сейсмических. По этой же причине во многих захоронениях положение костяков зачастую нарушено и сдвинуто. В тех случаях, когда позиция костяков прослеживается *in situ*, можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на северо-запад/юго-запад или запад. В полевом сезоне 2018 г., в отличие от 1951 г., были открыты помимо безынвентарных могилы и с погребальным инвентарем. Обнаруженные предметы (пряжки, серьги, перстни, нательные крестики и пр.) в целом относятся к типам, характерным для средневизантийской традиции. Судя по найденным вещам, могильник появился не позднее второй половины VII – начала VIII в. и функционировал, вероятно, долгое время, вплоть до закладки нижнего храма (о дате нижнего храма см. далее), а возможно и позднее. По всей видимости, некрополь на всем протяжении его существования принадлежал одной и той же группе населения, т. к. погребальный обряд остается практически неизменным – это в основном плитовые конструкции, характерные как для погребений с инвентарем VII–VIII вв., так и более позднего времени (Мастыкова, 2019а; 2019б).

Таковы краткие итоги двух полевых сезонов 2017 г. и 2018 г., но в данной статье остановлюсь подробнее на результатах исследования гробницы, открытой в нижнем храме.

Исследование храмовой гробницы

Как уже было сказано выше, при доследовании в 2017 г. в западной половине наоса нижнего храма была открыта гробница, перекрытая массивными плитами (рис. 3: 1, 2). Плиты опирались на обкладку, выложенную по контуру гробницы и состоявшую из камней, блоков ракушечника, нескольких фрагментов черепицы и плинфы; местами прослеживался известковый раствор. Гробница представляет собой грунтовую яму ладьевидной в плане формы, стенки которой внутри выложены пилеными блоками ракушечника на известковом растворе (рис. 4). Длина гробницы по внешнему контуру каменной конструкции составляет 2,55 м, ширина – 1,1 м; внутренние размеры погребальной камеры: по верхнему краю – длина 1,8 м, ширина – 0,6 м; по дну – длина 1,86 м, ширина – 0,7 м; глубина гробницы – 0,57–0,7 м. При снятии перекрытия с гробницы на внутренней стороне одной из плит было обнаружено прочерченное изображение креста, что является отражением византийских традиций. Так, в ранневизантийское время (IV–VII вв.) на погребальных сооружениях имеются христианские символы обычно в качестве изображений на стенах гробниц, склепов и т. д., а со средневизантийского времени (VIII–XII вв.) христианская символика используется уже и на закладных плитах, перекрывающих могилы, как в нашем случае.

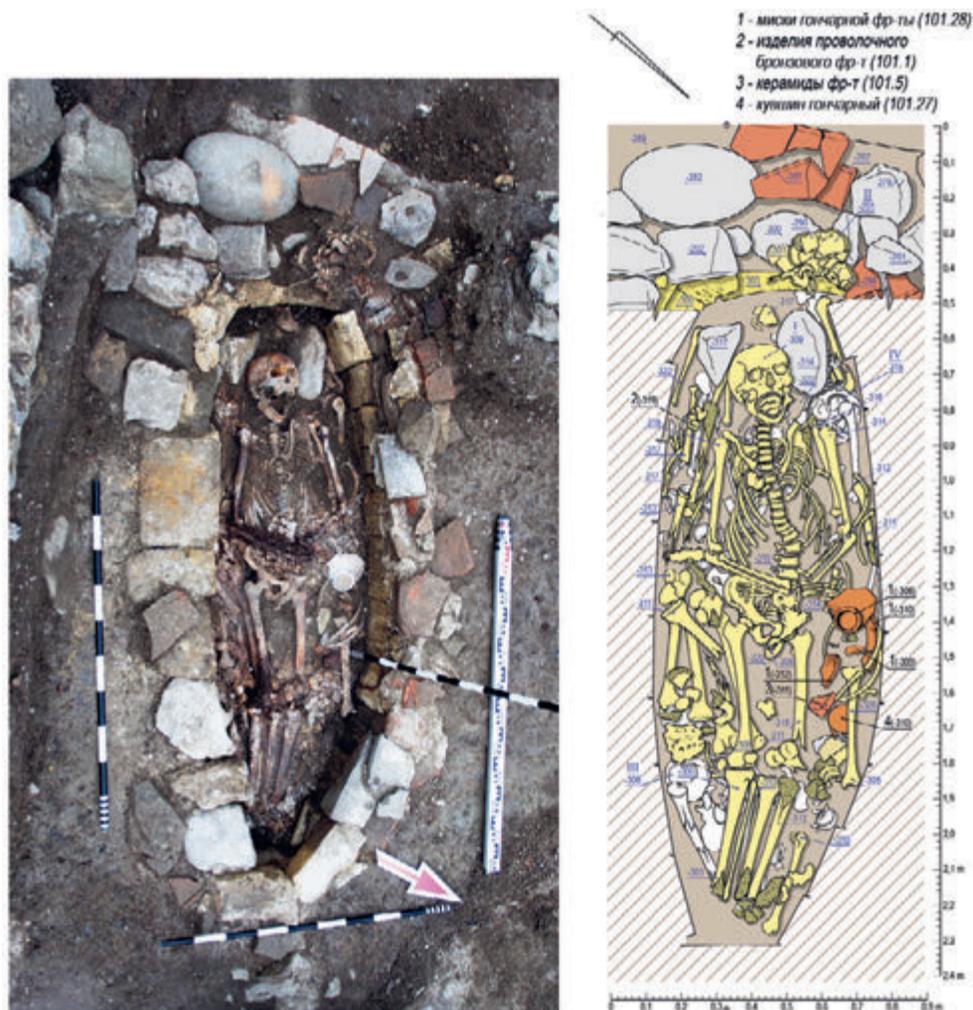
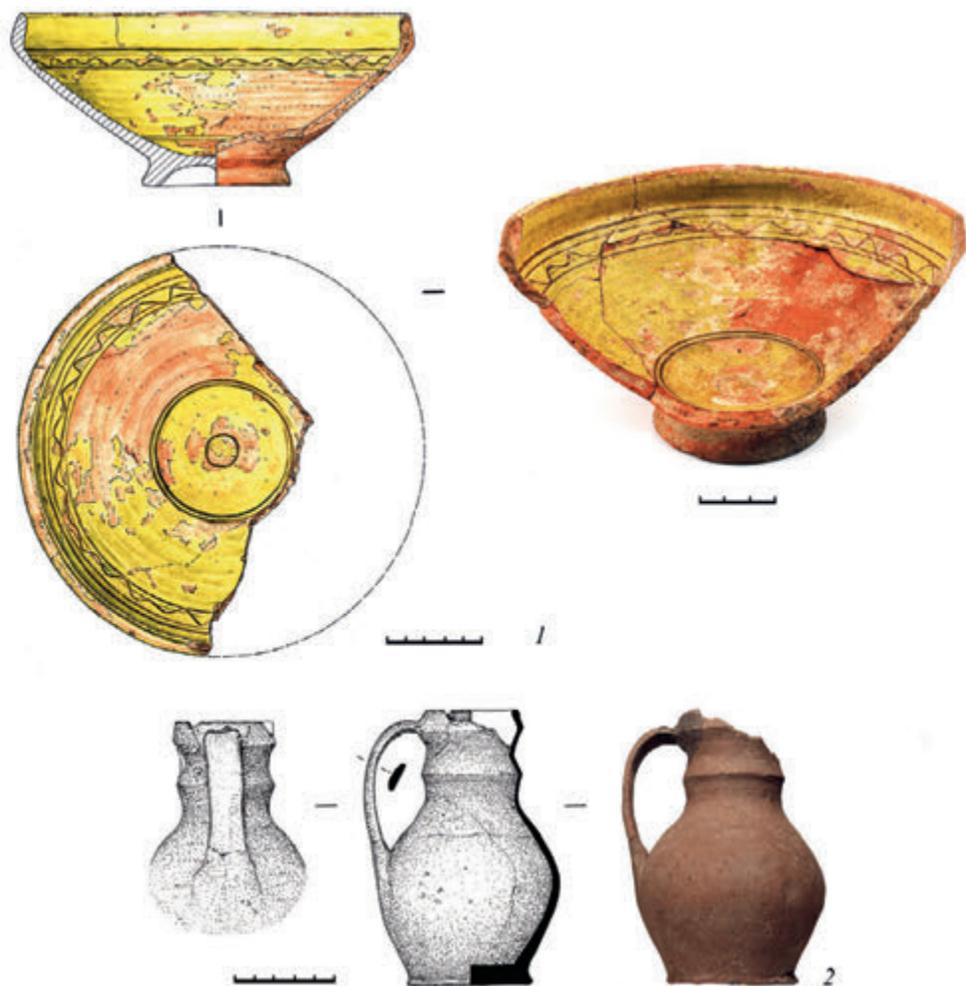

Рис. 4. Горзувиты – 2017 г. Фото и план первого уровня храмовой гробницы.
Фото С. В. Колосова. Чертеж С. А. Мутьда

В гробнице было похоронено около 20 человек – мужчины, женщины, дети, все они погребались поочередно, грунтовые прослойки между останками отсутствовали. Также грунтового заполнения не было между закладными плитами и верхним погребенным. Полностью анатомический порядок и позиция *in situ* прослеживались только у верхнего захоронения (рис. 4), у других – или частично фиксировалась позиция, или они были потревожены и сдвинуты в сторону при помещении в гробницу новых умерших. В тех случаях, когда позиция костяков все-таки сохранялась, можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на запад

**Рис. 6. Горзувиты – 2017 г. Керамические сосуды из храмовой гробницы.
Рисунки С. Л. Богаченко. Фото С. В. Ольховского**

1 – поливная чаша, обнаруженная у верхнего погребенного; 2 – гончарный кувшин (второй уровень)

мужчины лежала вверх дном фрагментированная поливная чаша открытого типа середины – третьей четверти XIII в. (подробнее о чаше см.: *Голофаст, Мастыкова, 2018. С. 363–367*) (рис. 6: 1). Здесь же выявлена часть тулова небольшого глиняного кувшинчика, уходящего глубже и относящегося к нижнему захоронению (рис. 6: 2).

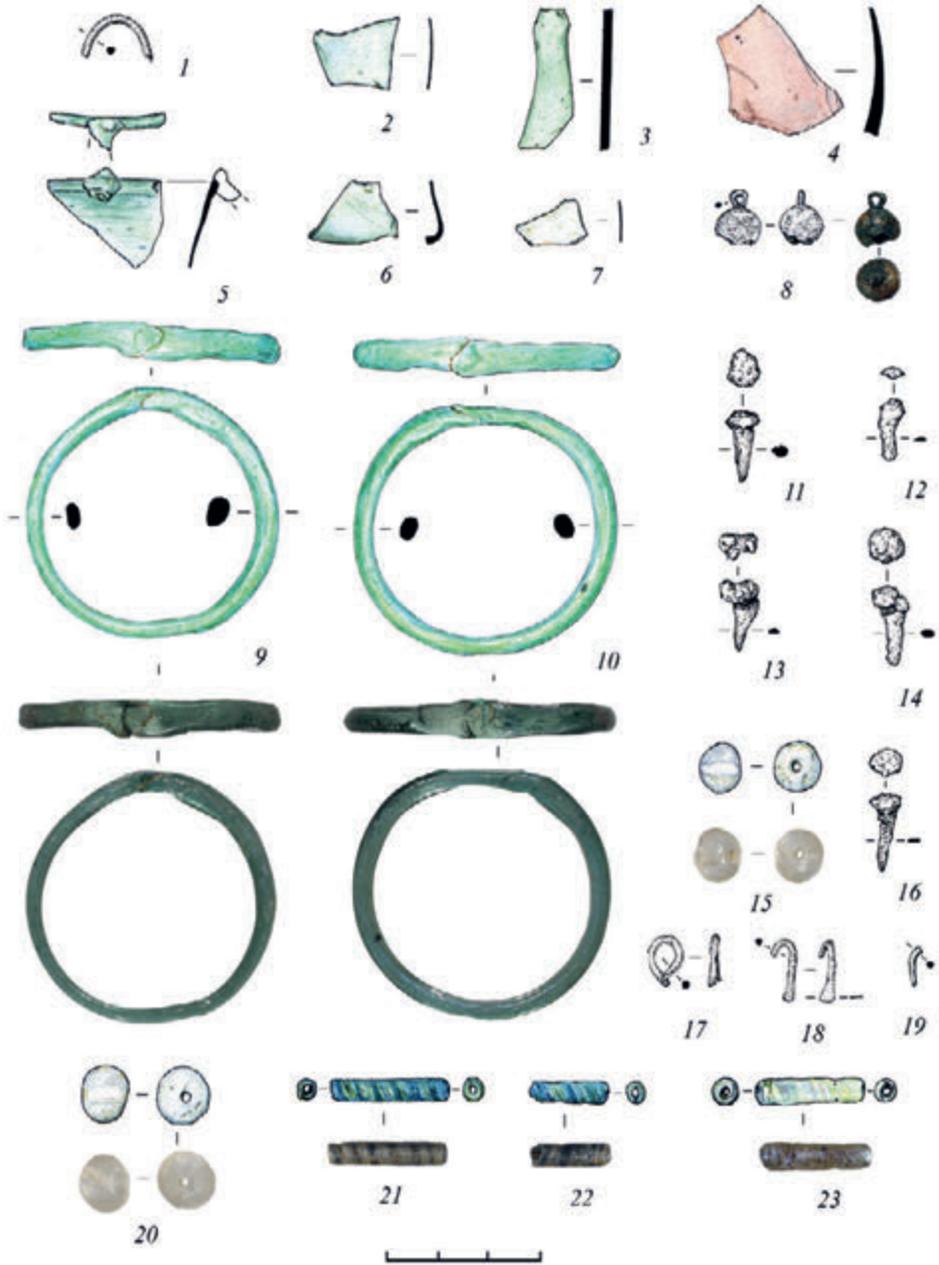
В целом при захоронении умерших в храмовую гробницу византийский погребальный обряд был соблюден, поскольку уже в ранневизантийский период доминирующей является поза погребенных на спине в вытянутом положении с руками, скрещенными на животе или тазе, головой на запад так, чтобы он

оказался лицом к Христу во время второго пришествия. Но обращает на себя внимание наличие у верхнего погребенного сосуда открытого типа, что в сочетании с двумя вертикально поставленными камнями у черепа покойного выбивается из традиционного византийского погребального обряда, который, как уже говорилось, сложился еще в ранневизантийское время и сохранился на протяжении всех последующих столетий, хотя и с некоторыми изменениями. Так, в XIII–XV вв. появляется новый обычай – помещать рядом с погребенным, часто вверх дном, сосуды открытого типа, а не закрытого, как в ранних могилах. Причем новая традиция прослеживается в византийских погребениях после 1200 г. и прежде всего на территориях, захваченных «латинянами» («франками»), что объясняет появление таких сосудов влиянием погребального обряда «латинян». Второй необычной деталью в гробнице является наличие двух вертикально поставленных камней с двух сторон черепа верхнего погребенного. Также считается, что эта черта обрядности «пришла» в Византию с европейского Запада в XIII в. Например, в материковой Греции, на Кипре, Крите, на территории современной Турции городские погребения, в которых зафиксировано соблюдение обряда с такой особенностью, датируются временем после 1204 г., и располагались они на землях Византийской империи, находившихся также под контролем «франков» (подробнее см.: *Голофаст, Мастыкова*, 2018. С. 370–373; там же библиография).

Что касается погребального инвентаря, обнаруженного в гробнице, то он незначительный и не очень выразительный – гончарный небольшой кувшинчик (рис. 6: 2), два стеклянных браслета (рис. 7: 9, 10), три стеклянные и две бусины из горного хрусталя (рис. 7: 15, 20–23), бронзовый бубенчик-пуговка со следами позолоты (рис. 7: 8), пять маленьких железных гвоздика (рис. 7: 11–14, 16), небольшие стеклянные фрагменты (рис. 7: 2–7) и мелкие обломки бронзовых предметов неясного назначения (рис. 7: 1, 17–19). Большинство из этих предметов достаточно часто встречаются в крымских материалах в широком хронологическом диапазоне и соотнесение их с каким-либо погребенным не представляется возможным⁸. В гробнице были обнаружены фрагменты средневековой строительной и тарной керамики. Стоит отметить, что скромное количество предметов в горзувитской гробнице также отражает обычаи византийской обрядности, когда с ранневизантийского времени начинает сокращаться количество погребального инвентаря в могилах.

Итак, храмовая гробница заполнялась умершими людьми постепенно и таким образом была стратифицирована. Кроме поливной чаши середины – третьей четверти XIII в., обнаруженной у верхнего, т. е. последнего, погребенного, хронология которой дает нам верхнюю дату гробницы, остальные вещи имеют широкие временные рамки и не позволяют определить время первого, самого раннего, захоронения и установить *terminus ante quem* постройки нижнего храма. В связи с этим нами были проведены исследования с использованием методов

⁸ Разборка гробницы производилась послойно, все предметы и антропологический материал фиксировались соответственно этим уровням.

естественных наук. Палеоантропологические материалы были подвергнуты радиоуглеродному анализу⁹ и изотопным исследованиям¹⁰.

Заключение

Сопоставление данных археологии, радиоуглеродного датирования и изотопных исследований позволяет предполагать, что первые захоронения в гробнице нижнего храма были совершены, вероятно, не раньше XI в., тогда как дата погребения в ней последнего умершего относится к середине – третьей четверти XIII в.

Исходя из этих сведений, можно говорить, что верхний храм, перекрывавший коллективную гробницу, был построен не ранее второй половины XIII в. и существовал, возможно, до середины XIV в., учитывая найденную в 1951 г. при расчистке западной стены верхнего храма монету золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) (Якобсон, 1954. С. 112).

Конечно, возникает вопрос: что за люди были погребены в храмовой гробнице? Полученные результаты изотопных исследований¹¹ указывают, что, вероятней

⁹ Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством Э. П. Завозской и Центра изотопных исследований Университета Джорджии (США).

¹⁰ Изотопные исследования выполнены во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург) Е. С. Богомоловым.

¹¹ Подробнее см. в данном выпуске статью М. В. Добровольской, А. В. Мастыковой «Изотопные исследования останков людей из гробницы храма на Горзувитях: хронология, особенности питания, мобильность».

Рис. 7 (с. 420). Горзувиты – 2017 г. Погребальный инвентарь из храмовой гробницы. Рисунки С. Л. Богаченко. Фото С. В. Ольховского

Первый уровень: 1 – фрагмент изделия из тонкой металлической проволоки

Второй уровень: 2 – фрагмент бледно-голубого стекла; 3 – фрагмент зеленоватого стекла; 4 – фрагмент стеклянного сосуда (?) розового цвета

Третий уровень: 5 – фрагмент венчика с налетом (ручка лампы?) сосуда из зеленоватого стекла; 6 – фрагмент придонной части сосуда из зеленоватого стекла; 7 – фрагмент бледно-голубого стекла; 8 – бронзовый бубенчик-пуговка со следами позолоты; 9, 10 – два стеклянных браслета зеленоватого цвета из овального в сечении дрота, концы соединены встык; 11–14 – четыре железных мелких гвоздика с граненым заостренным стержнем и овальной или округлой шляпкой (один – без шляпки)

Четвертый уровень: 15 – округлая бусина из горного хрусталя; 16 – железный мелкий гвоздь с двухгранным (?), заостренным стержнем и округлой шляпкой; 17–19 – фрагменты изделий из тонкой бронзовой проволоки

Пятый уровень: 20 – округлая бусина из горного хрусталя

Шестой уровень: 21–23 – три удлиненные цилиндрические бусины (пронизи) из цветного стекла

всего, они были местными, постоянными жителями поселения. Модель их питания свидетельствует о ярко выраженном приморском характере образа жизни. Возможно, они были членами одного рода/семейства, занимавшего относительно высокое социальное положение и имевшего право погребать умерших в храме, может быть, ктиторов храма. Исторические и эпиграфические источники свидетельствуют, что внутри храма хоронили помимо представителей духовенства и богатых ктиторов/донаторов с их семьями, место расположения их могил в храме зависело от статуса погребенных (*Голофаст, Мастыкова, 2018. С. 367–369; там же библиография*).

Архитектура храма и характер гробницы полностью соответствуют византийским культурным традициям. Однако изменения, произошедшие в византийской обрядности в начале XIII в. с приходом «латинян», нашли свое отражение в погребальном обряде горзувитской гробницы. Не исключено, что человек, чей прах был захоронен последним, и те люди, которые его хоронили, могли иметь какие-то связи с территориями, подвластными «латинянам», где подобные погребальные обычаи имели место.

Храм в Горзувитах является рядовым памятником византийской церковной архитектуры. Аналогичная небольшая однефная церковь прямоугольной формы с полукруглой апсидой и с тремя плитовыми гробницами по центру наоса, построенная также на развалинах более древней и повторяющая ее форму, была открыта в 1905 г. Н. И. Репниковым здесь же, в Гурзуфе, при раскопках юго-западной части могильника Суук-Су (*Репников, 1907. С. 122. Рис. 83*). В целом подобного рода храмовые постройки были характерны для Южного берега Крыма, они известны на нижней площадке укрепленного средневекового монастыря Панае в Симеизе, на Исар-Кая, Кучук-Ламбате, на Аю-Даге, к западу от пос. Верхняя Ореанда на скале Хачла-Каясы, на Ай-Тодор близ с. Малый Маяк (Биюк-Ламбат), в Мордвиновском парке Ялты, Никите и т. д. (библиографию см.: *Мастыкова, 2018а*).

Храмовые постройки такого типа характерны и для других регионов Юго-Западного Крыма. Например, на Черкес-Керменском укреплении Кыз-Куле была открыта небольшая (7,50 × 4,50 м) однефная одноабсидная церковь с двумя гробницами, одна – вдоль северной стены, вторая – по центру наоса (*Боданинский, 1935. С. 83, 84. Рис. 49*). На территории городища Тепе-Кермен, расположенного на одноименной горе, был исследован однефный храм (5,50 × 2,20 м) с одной полукруглой апсидой. В западном углу этой храмовой постройки обнаружена гробница, перекрытая плитами, в которой было захоронено не менее 11 человек и только верхний погребенный лежал в анатомическом порядке (*Талис, 1977. С. 102, 103*). В X–XIII вв. в Херсонесе появляются подобные храмы-часовни прямоугольной формы с полукруглой абсидой, оштукатуренные внутри и снаружи, причем внутри стены покрывались росписью. Часовни здесь имелись практически в каждом квартале и выполняли роль не только домашней церкви, но и семейной усыпальницы (*Рыжов, 2004. С. 160, 162, 164*).

Однефные одноабсидные церкви известны и на Северном Кавказе, особенное скопление небольших церквей отмечено на Нижне-Архызском городище. По мнению В. А. Кузнецова, такие «малые формы» храмов отражают влияние

византийского провинциального зодчества, которое охватило значительную часть причерноморской ойкумены (*Кузнецов*, 2017. С. 124, 139).

В Малой Азии, на побережье и в горах между Трапезундом и Синопом, Д. Уинфильд и Дж. Уэйнрайт при исследовании этого региона также выявили многочисленные однефные церкви-часовни XIII–XV вв. с одной полукруглой апсидой (*Winfield, Wainwright*, 1962. P. 157. Fig. 14).

Считается, что маленькие однефные храмы, скорее всего, предназначались для нужд только одной общины или рода либо могли быть, например как на Северном Кавказе, различного назначения: приходские, домовые, кладбищенские, монастырские (*Кузнецов*, 2017. С. 139). Интересные сведения приводит О. М. Иоаннисян об однефных храмах в Кастории в Северной Греции. Из более семидесяти касторийских церквей тридцать одна относится именно к типу однефных с одной апсидой, и большинство таких построек строились как частные домовые храмы (церковь Агиос Николаос ту Казници XII в.; Таксиархис Йоконому (Гимназиу) X в.; Агиос Афанасиос Музаки XIV в.; Агиос Николаос ту Киритци XIV–XVII вв.) или как общинные церкви для городских кварталов. Заказчиками таких небольших храмов чаще всего были представители уважаемых городских семейств – Казници, Йоконому, Музаки, Киритци – либо жители общин, строившие церковь в складчину (*Иоаннисян*, 2013. С. 100–104. Рис. 26: 1, 3, 5, 6).

На Кипре среди множества различных типов византийской церковной архитектуры от XI до XVIII в., тем не менее, преобладают однефные одноапсидные храмы, которые по своей архитектуре внешне непритязательны, но зато внутри украшены фресковой росписью. Большинство церквей такого типа – это общинные сельские храмы, придорожные или кладбищенские часовни (Там же. С. 104–107).

Однефные небольшого размера храмовые постройки определяют как «народную архитектуру», когда «...упрощаются конструкция и композиция постройки, уменьшается ее размер. Интерьер становится простым, незамысловатым» (*Полевой*, 1973. С. 269). Действительно, внешний вид этих храмовых построек достаточно скромнен, а строительно-технические характеристики довольно просты. Как правило, они строились из некрупных блоков грубо обработанного или вовсе необработанного камня. Примитивность внешнего вида данных построек компенсировалась фресковой росписью внутри, зачастую и снаружи. Представляется, что все эти характеристики в равной мере можно отнести и к храму в Горзувитах. Имели ли горзувитские храмовые постройки фресковую роспись – вряд ли мы сможем ответить на этот вопрос. Но, по сведениям А. Л. Якобсона, поверхность стен позднего храма была оштукатурена (найлены обломки штукатурки) и, возможно, была расписана фресками (*Якобсон*, 1951а. С. 9; 1954. С. 112). Обнаруженные многочисленные стеклянные фрагменты вокруг и внутри храма свидетельствуют о наличии в нем застекленных окон (или окна?), что является типичной чертой византийских церковных сооружений, и этот факт лишней раз подчеркивает принадлежность горзувитского храма византийским традициям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.*, 1894. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 21. Симферополь: Тип. Таврического губ. правл. С. 56–58.
- Боданинский У. А.*, 1935. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г. // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. М.; Л.: ОГИЗ. С. 81–87. (Известия Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра; вып. 117.)
- Голофаст Л. А., Мاستыкова А. В.*, 2018. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIII. Симферополь: Соло-Рич. С. 359–395.
- Домбровский О. И.*, 1968. Разведки и раскопки на Южном берегу и в горных районах Крыма // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Вып. 2 / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 51–52.
- Домбровский О. И.*, 1974. Средневековые поселения и «Исарь» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев: Наукова думка. С. 5–56.
- Иоаннисян О. М.*, 2013. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 64–116. (Труды ГЭ; т. LXIX.)
- Кеппен П. И.*, 1837. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб.: Имп. Акад. наук. 415 с. (Загл. обл.: Крымский сборник.)
- Кузнецов В. А.*, 2017. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: Снег. 320 с.
- Мастыкова А. В.*, 2018а. О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 292–298.
- Мастыкова А. В.*, 2018б. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялтинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 186–191. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)
- Мастыкова А. В.*, 2019а. Археологические раскопки 2017–2018 гг. средневекового храма и могильника в Горзувитах // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. II / Отв. ред.: С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН. С. 378–395.
- Мастыкова А. В.*, 2019б. Итоги исследования могильника Горзувиты в 2018 г. // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 370–376.
- Полевой В. М.*, 1973. Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство. 352 с.
- Репников Н. И.*, 1904. Гурзуф и его ближайшие окрестности в историко-археологическом отношении // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 36. Симферополь: Таврическая губ. тип. С. 37–42.
- Репников Н. И.*, 1906а. Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 19. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума. С. 1–80.
- Репников Н. И.*, 1906б. Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 39. Симферополь: Таврическая губ. тип. С. 106–110.
- Репников Н. И.*, 1907. Некоторые могильники области Крымских готов. Часть II // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. Т. XXVII. Одесса: Экономическая типография и литография. С. 101–148.
- Репников Н. И.*, 1909. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // Известия Императорской Археологической комиссии. № 30. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов. С. 99–126.
- Рыжов С. Г.*, 2004. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Харьковское историко-археологическое общество. С. 160–166.

- Талис Д. Л., 1977. Городище Тепе-Кермен // КСИА. Вып. 148. С. 98–104.
- Тунманн Г. Э., 1936. Крымское ханство / Пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской; примеч., предисл., прилож. Н. Л. Эрнста. Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР. 109 с.
- Харузин А. Н., 1890. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (На Южном берегу Крыма). М.: Тип. Т-ва А. Левенсон и К. 102 с. (Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; т. LXIV. Труды антропологического отдела; т. XI, вып. 1.)
- Якобсон А. Л., 1951а. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 654.
- Якобсон А. Л., 1951б. Раскопки средневекового поселения Горзувиты в 1951 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р-1. № 655.
- Якобсон А. Л., 1954. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. Вып. 53. С. 109–120.
- Якобсон А. Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л.: Наука. 224 с. (МИА; № 168.)
- Procopius Caesarensis*, 1964. Procopi Caesariensis opera omnia De Aedificiis. Vol. 4 / Eds.: J. Haury, G. Wirth. Leipzig: Teubner. XII, 408 p. (Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana; vol. 277.)
- Winfield D., Wainwright J., 1962. Some Byzantine Churches from the Pontus // *Anatolian Studies*. Vol. 12. P. 131–162.

Сведения об авторе

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amastykova@mail.ru

A. V. Mastykova

THE MEDIEVAL SITE OF GORZUVITY
IN THE CRIMEA SOUTHERN COAST:
EXCAVATIONS 69 YEARS LATER

Abstract. A. L. Yacobson was the first researcher to excavate the Gorzuvity site. He discovered ruins of a church with one nave and one apse overlaid by another church of later date. A. L. Yacobson dated the lower church to the 6th–7th centuries and the church built over it to the 9th–10th centuries. Other excavated areas have revealed remains of architectural constructions of unclear purpose as well as a cemetery with graves without grave goods. In 2017–2018 due to construction works in the Artek International Children's Camp including the area excavated by A. L. Yacobson in 1951, the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, launched archaeological excavations. Church constructions were re-excavated, the settlement was examined and 24 burials, mostly, cist graves, were uncovered. Judging by funerary offerings, the cemetery became operational not later than the second half of the 7th – early 8th centuries; it was probably used for a long time. During additional excavations in the western part of the nave in the lower church, a sepulchral vault containing around 20 buried individuals was discovered. A glazed cup dating to the middle – third quarter of the 13th century was found near the individual buried at the top, it can serve as a marker of the latest date of the vault use. Radiocarbon analysis and stable isotope analysis were carried out to establish the chronology of the earliest burial. These studies suggest that the sepulchral vault was not used before the 11th century. The upper church was built not earlier than the second half of

the 13th century and, most likely, was used until the mid-14th century as indicated by a coin of Uzbek khan found during the cleaning of the western wall of the upper church in 1951.

Keywords: Crimea Southern Coast, Byzantium, one-nave churches, cemetery, funerary rite, radiocarbon analysis, stable isotope studies.

REFERENCES

- Bobinskiy A., 1894. Neskol'ko slov o mestnosti, prilgayushchey k razvalinam zamka v Gurzufe [Some words about the locality adjacent to castle ruins in Gurzuf]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 21. Simferopol: Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, pp. 56–58.
- Bodaninskiy U. A., 1935. Cherkes-KermenskoyeukrepleniyeKyz-Kulleporazvedkam1933 g. [Cherkes-Kermen fortification Kyz-Kulle according to 1933 reconnaissance]. *Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii 1931–1933 gg. [Materials of Eski-Kermen expedition, 1931–1933]*. Moscow; Leningrad: OGIz, pp. 81–87. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury imeni N. Ya. Marra [Bulletin of N. Ya. Marr State Academy for the history of material culture], 117.)
- Dombrovskiy O. I., 1968. Razvedki i raskopki na Yuzhnom beregu i v gornyykh rayonakh Kryma [Reconnaissance and excavations in Crimea Southern coast and mountainous regions]. *Arkheologicheskkiye issledovaniya na Ukraine v 1967 g. [Archaeological investigations in Ukraine in 1967]*, 2. P. P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 51–52.
- Dombrovskiy O. I., 1974. Srednevekovyye poseleniya i «Isary» Krymskogo Yuzhnoberezh'ya [Medieval settlements and «Isary» of Crimean Southern coast region]. *Feodal'naya Tavrika [Feudal Taurica]*. S. N. Bibikov, ed. Kiev: Naukovadumka, pp. 5–56.
- Golofast L. A., Mastykova A. V., 2018. O polivnoy chashe v kontekste pogrebal'nogo obryada srednevekovoy khramovoy grobnitsy v Gorzuvitakh [On glazed cup in context of burial rite of medieval church burial vault in Gorzuvity]. *MAIET*, XXIII, pp. 359–395.
- Ioannisyan O. M., 2013. Odnofnyye khramy v arkhitekture Armenii i Vizantii (Konstantinopol, Malaya Aziya, Pont, Gretsia, Kipr). Funktsii i tipologiya [One-nave churches in architecture of Armenia and Byzantium (Constantinople, Asia Minor, Pontus, Greece, Cyprus). Function and typology]. *Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury [Byzantine in context of world culture]*. St. Petersburg: GE, pp. 64–116. (Trudy GE, LXIX.)
- Keppen P. I., 1837. O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh. (Krymskiy sbornik) [On antiquities of Tauria Southern coast and mountains. (Crimean annual)]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 415 p.
- Kharuzin A. N., 1890. Drevniye mogily Gurzufa i Gugusha (na Yuzhnom beregu Kryma) [Ancient graves of Gurzuf and Gugush (on Southern coast of Crimea)]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva A. Levenson i K. 102 p. (Izvestiya imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii, LXIV. Trudy antropologicheskogo otdela, vol. XI, iss. 1.)
- Kuznetsov V. A., 2017. Nizhniy Arkhyz i ranneye pravoslaviye. Alanskaya eparkhiya v X–XII vekakh [Nizhniy Arkhyzand early Orthodoxy. Alan diocese in X–XII centuries]. Pyatigorsk: Sneg. 320 p.
- Mastykova A. V., 2018a. O vizantiyskom khrame v Gorzuvitakh: raskopki 2017 g. [On Byzantine church in Gorzuvity: 2017 excavations]. *XIX Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii [XIX Bosphorus readings. Cimmerian Bosphorus and barbaric world in Classical period and Middle Ages. Traditions and innovations]*. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko, eds., comp. Simferopol; Kerch', pp. 292–298.
- Mastykova A. V., 2018b. Srednevekovyy kompleks (poseleniye, bazilika, mogil'nik) v Gurzufe (Respublika Krym, Yaltinskiy okrug) [Medieval assemblage (settlement, basilica, cemetery) in Gurzuf (Republic of Crimea, Yalta district)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Cities, settlements, cemeteries. 2017 excavations]*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IARAN, pp. 186–191. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)
- Mastykova A. V., 2019a. Arkheologicheskkiye raskopki 2017–2018 gg. srednevekovogo khrama i mogil'nika v Gorzuvitakh [Archaeological excavations of medieval church and cemetery in Gorzuvity, 2017–2018]. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskkiye issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. [Crimea –*

- Taurida. Archaeological investigations in Crimea, 2017–2018*], II. S. Yu. Vnukov, O. V. Sharov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 378–395.
- Mastykova A. V., 2019b. Itogi issledovaniya mogil'nika Gorzuvity v 2018 g. [Results of research of Gorzuvita cemetery in 2018]. *XX Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnyye itogi i perspektivy issledovaniy [XX Bosphorus readings. Cimmerian Bosphorus and barbaric world in Classical period and Middle Ages. Main results and research perspectives]*. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko, eds., comp. Simferopol; Kerch', pp. 370–376.
- Polevoy V. M., 1973. Iskusstvo Gretsii. Sredniye veka [Greek art. Middle Ages]. Moscow: Iskusstvo. 352 p.
- Repnikov N. I., 1904. Gurzuf i ego blizhayshiye okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii [Gurzuf and its close vicinity in historical-archaeological aspect]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 36. Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, pp. 37–42.
- Repnikov N. I., 1906a. Nekotoryye mogil'niki oblasti krymskikh gotov [Some cemeteries in the land of Crimean Goths]. *IAK*, 19, pp. 1–80.
- Repnikov N. I., 1906b. Raskopki v okrestnostyakh Gurzufa v 1905 godu [Excavations in Gurzuf vicinity, 1905]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 39. Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, pp. 106–110.
- Repnikov N. I., 1907. Nekotoryye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. Chast' II [Some cemeteries in the land of Crimean Goths. Part II]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey [Notes of Imperial Odessa Society for history and antiquities]*, XXVII. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya i litografiya, pp. 101–148.
- Repnikov N. I., 1909. Razvedki i raskopki na Yuzhnom beregu Kryma i v Baydarskoy doline v 1907 godu [Reconnaissance and excavations in Southern coast of Crimea and Baydar valley, 1907]. *IAK*, 30, pp. 99–126.
- Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V., 1995. Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona [Amphorae from complexes of Byzantine Kherson]. Yekaterinburg. 173 p. (Srednevekovyy Kherson. Istoriya, stratigrafiya, nakhodki, 2.)
- Ryzhov S. G., 2004. Malye khramy-chasovni Khersonesa [Chersonese minor churches-chapels]. *Drevnosti 2004. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik [Antiquities 2004. Kharkov historical-archaeological annual]*. Kharkov: Kharkovskoye istoriko-arkheologicheskoye obshchestvo, pp. 160–166.
- Talis D. L., 1977. Gorodishche Tepe-Kermen [Tepe-Kermen hillfort]. *KSIA*, 148, pp. 98–104.
- Tunmann G. E., 1936. Krymskoye khanstvo [Crimean khanate]. N. L. Ernst, S. L. Belyavskaya, eds. Simferopol: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Krymskoy ASSR. 109 p.
- Yakobson A. L., 1951a. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke srednevekovogo poseleniya i mogil'nika Gorzuvit (bl. Gurzufa) v 1951 g. [Report on archaeological reconnaissance at medieval settlement and cemetery Gorzuvit (near Gurzuf) in 1951]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Yakobson A. L., 1951b. Raskopki srednevekovogo poseleniya Gorzuvity v 1951 g. Al'bom illyustratsiy [Excavations of medieval settlement Gorzuvity in 1951. Album of illustrations]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Yakobson A. L., 1954. Razvedochnyye raskopki srednevekovogo poseleniya Gorzuvity [Testing excavations of medieval settlement Gorzuvity]. *KSIIIMK*, 53, pp. 109–120.
- Yakobson A. L., 1970. Rannesrednevekovyye sel'skiyeposeleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki [Early medieval rural settlements of Southwestern Taurica]. Leningrad: Nauka. 224 p. (MIA, 168.)

About the author

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amastykova@mail.ru